

Кто я в слове — князь ли, раб ли?
В сердце — тёмная печаль.
И не жаль себя ни капли,
Но любви последней жаль.

Все с последнею любовью
Станут первыми навек...
И дымится свежей кровью
В краснотале первый снег.

Но Господь — за тишиною,
В Солнце обратив Луну,
Нам с любовью неземною
Дарит вечную весну...

Трудно писать о поэте Льве Котюкове. Чтобы о нём писать, надо быть Львом Котюковым. Эта статья не попытка объяснить основы его творчества — это невозможно. Во-первых, потому что он в своих творениях (стихах и прозе), всё или почти всё уже открыл через тайну своего таланта; во-вторых, он в этом и не нуждается. Моя задача выразить почтение поэту и высказать восхищение его бесстрашию в постижении Бога через «волю любви» (его слова). По-моему, в творчестве поэта раскрывается положительный смысл Божественного дара. Если употребить аналогию (но в этой аналогии кроется весь смысл творения!), этот дар подобен щедрости поэта. «Поэт неба и Земли» — можем мы сказать о Боге, если дословно переведём с греческого православный символ веры. Так можем ли мы проникнуть в тайну тварного бытия: творить это не значит отражаться в зеркале, даже если зеркало есть первичная материя; это также и не значит напрасно раздробляться, чтобы затем всё снова в себе собрать. Творить — значит вызывать новое, творение, если возможно так выразиться, — это риск нового. Когда Бог вызывает не из Самого Себя новый «сюжет», сюжет свободный — это и есть апогей творческого действия; Божественная свобода совершается в сотворении этого высочайшего риска — в сотворении другой свободы. В этом кроется акт свободной любви Бога к своему творению, пребывающему в свободе. В творчестве Льва Котюкова кроется тот же принцип, и тот же самый акт любви к своему свободному творению. Поэт не самовыражается, что было бы ложным в принципах его творчества и что делают сейчас все пишущие, поэт Лев Котюков выражает иное бытие, иной, объективно существующий мир небесных реальностей.

* * *

*Наша душа —
вечное грядущее.*

Я мог бы жить иначе,
Себя от всех тая...
И ничего, что плачет,
Как ночь, душа моя.

Я мог бы жить без тайны,
А мог бы — и — не жить!
И всё, что не случайно —
В случайном позабыть.

Но жизнь ещё — награда —
В безумье и глуши...
И что мне бездна ада
Пред бездною души?!

И золотое Слово
Любовь мою хранит.
И ничего, что снова,
Как снег, душа горит.

И жизнь ещё пускает
На временный ночлег...
И ничего, что тает
Душа, как вечный снег...

Позволю себе небольшое отступление, чтобы потом перейти к более тонкому пониманию природы поэзии Льва Котюкова. Человек-поэт, как мы выяснили, существо словесное. Это было определено Богом изначально. С одной стороны, человек стоит в ряду других живых существ природного мира и является, по слову святителя Григория Нисского, самым

страшным животным на Земле. С другой стороны, Бог призвал к Себе первого человека Адама и позволил ему быть со-творцом. «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привёл к человеку, чтобы видеть, как он назовёт их, и чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарёк человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...» (Быт.2:18-20). Удивительно, но человек стал сотворцом в осуществлении замысла Божьего.

Что значит дать имя вещи? Это значит прозревать смысл вещей, их назначение, их призвание. И ещё это значит, что творение в своих основах духовно, потому что мы его можем мыслить, именовать, называть словом. Конечно, чтобы осуществить какой-нибудь проект, говоря современным языком, его надо помыслить, сформулировать в слове, перенести на чертёж, представить в трёхмерной проекции и приступить к осуществлению. Так и Господь Бог сперва помыслил Своё творение и затем волей Творца оно стало материей. И Бог посвятил в тайны Своего творения человека как существо разумное и словесное. Но по гордыне и непослушанию человек пал, ум его помутился, и он потерял знание о творении. Пришёл второй Адам — Иисус Христос; Бог воплотился, чтобы восстановить падшую природу человека и возвысить его до Творца; «Бог воплотился, чтобы человек обожился» (Св. Афанасий Великий). Но природа человека так помрачена грехом, что закрадывается сомнение в восстановлении утраченного совершенства. Только Христос, новый Адам, знает тайну творения, тайну призвания человека и судьбу мира.

Святой человек или поэт в богопознании, в своих вдохновенных прозрениях приближается к разгадке оставленной Творцом тайны.

И здесь мы подходим к самому главному препятствию для человека, пытающегося «выразить богатство божественных благ». Два пути стоят перед поэтом: первый — внутреннее восхождение; поэт поднимается по горе, созерцает божественные Логосы и опускается долу, чтобы поделиться увиденным с людским невежеством; второй путь — овладение инструментами для выражения божественных сущностей.

Человеческое слово отличается от Божественного Логоса. Оно несовершенно для выражения тайны Творца. Его можно, как и другие инструменты искусства, назвать условными. Мы знаем также, что язык создан не как средство общения, он создан для мышления, для организации мира, как средство борьбы с хаосом. Выясняется, что как средство общения язык не очень хорош. Лучшее всего для коммуникации подходит азбука Морзе. На одном конце передатчика человек отлучал, на другом конце то же отозвалось. Однозначный сигнал, понятный, не нужно никакого толкования.

Человеческий язык — это просто словарь. Поэту надо словарное слово расширить в контексте других слов так, чтобы выразить ускользающие смыслы. Вот поэзия Льва Котюкова занимается именно этим.

Поэту уже всё стало ясно на уровне мышления, если хотите созерцания, теперь надо это понятое записать словами. Поэт может думать сложные вещи, не включая язык, но следующий этап мучителен, он требует огромной энергии и даже аскезы, чтобы перевести увиденное в условный язык слов для утончённого выражения Божественных сущностей и смыслов.

Вот как сам об этом пишет поэт Лев Котюков, утверждая, что «Без Поэзии нет истинной Жизни»:

«Но без Жизни истинной, без жизни в Боге, поэзия невозможна.

Внимает душа Богу. Эхо слова Божьего овладевает душой. И душа творящая, внимая Божественному эху, сливается с ним, возвращается вместе с ним в Слово — и,

обретая звуковую плоть, становится сопричастной Слову истинному.

Это и есть — сотворчество, жизнь в Творце Вседержителя, а не так называемое творческое самовыражение, коим грешат многие пишущие, порой совершенно искренне не понимая, что за личиной ложного самовыражения таится гибельный образ царя бездны.

И посему — одни неостановимо идут к концу своей жизни земной, но другие, идущие с ними как бы одной дорогой, неостановимо восходят к началу Жизни Вечной».

И тот же смысл Лев Котюков выразил в стихотворении «В ледяном молчании»:

* * *

*Истинная поэзия
может привести человека к Богу,
в отличие от искусства,
отображающего всего лишь
наличие или отсутствие веры в Бога.
Говорить ради творческого
самовыражения — значит
не слышать никого, — и, в первую очередь, себя,
многогрешного*

Дышат тьмой ледяные растенья,
Дышит тьмой ледяная река...
Обрывается стихотворенье, —
Зависает в молчанье строка.

Всё утрюмой глухое молчанье,
Будто в Слове Господь отказал,
Будто всё — я сказал на прощанье,
Будто я — ничего не сказал.

И объятый незримою новью,
Я ни в чём никого не корю...
И с молчаньем, словно с любовью,
Как немой — говорю, говорю...

По существу, первый путь включает в себя второй, ибо он приводит поэта к истинному Божественному Логосу.

Ещё одна черта поражает в возвышающей поэзии откровения Льва Котюкова — это возможность и способность мыслить стихами. Поэтических форм немного, число стихотворных размеров ограничено, но именно эта аскеза дисциплинирует поэта. Она заставляет его излагать лаконично и точно мысли, которые вне поэтической формы требовали бы пространных разъяснений.

* * *

*Если соль перестанет быть солёной,
что вернёт её в прежнее состояние?*

Не пересолишь солью соль,
И землю в поле не схоронишь.
Но, даст Господь, чужую боль
Своею болью успокоишь.

И в тесных безднах бытия
Преодолеешь страх любовью.
И, даст Господь, — и боль твоя
Вовек чужой не станет болью.

Лев Котюков — лауреат многих престижных литературных премий, и российских и международных, но в своих книгах указывает он только одну награду — по причине её ценности для сердца поэта. Это литературная премия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей словенских. Тогда председателем жюри был ныне покойный святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Ему принесли книги для прочтения в номинации «Поэзия». Патриарх полистал один сборник неизвестного автора, другой и, наконец, взял в руки книгу стихотворений Льва Котюкова и углубился в чтение. Когда в кабинет патриарха заглянула его неизменная послушница и келейница игуменя Филарета (Александра Смирнова) спросить не нуждается ли святейший в чём-нибудь, патриарх сказал, указывая на внушительную стопку книг:

— Возьмите это и вынесите из кабинета, мне более ничего не надо.

Есть фотография Льва Котюкова с Алексием II, которой поэт очень гордится, потому что считает патриарха святым человеком и говорит, что придёт время, он

обязательно будет прославлен в лике святых. Может быть, общение с патриархом и определило внутренний путь богопознания Льва Котюкова.

«Истинное Слово — вне прошлого, настоящего и грядущего, — пишет Лев Котюков в предисловии к книге «Наше бессмертие». — Истинное Слово в нас — это вечное Сегодня, ибо Слово вне времени и пространства.

Поэзия, как вечность, объёмлет наше бытие и небытие. Но мы зачастую не замечаем поэзии, как почти не замечаем чистый воздух, которым дышим. И порой слава Богу, что не замечаем, ибо обратный чистый воздух в отравленный, живые слова в неверные человеку греха вполне под силу».

Порыв

*Несчастен, кто надеется
на Бога только в этой жизни*

...Отмаявшись, с даром словесным,
Под холодом северных гроз,
Проститься с земным, как с небесным, —
И в свет обратиться без слёз.

И ринуться в звёздные плёсы,
Забыв все земные пути,
Чтоб телом своим светоносным —
От тления душу спасти.

Не ведает бездна страданья,
Но там, где никто не умрёт,
Душа за пределом сознания, —
Бессмертье, как смерть, обретёт...

Поэзия надежды, поэзия жизни, поэзия Воскресенья открывается через веру, как открывается сама Жизнь через талант веры. Вера, доверие, верность, — все эти слова одного корня и обращены они к Богу. Ведь можно прожить религиозно бездарным человеком, а можно, обладая и талантом веры, и поэтическим талантом, поделиться этим счастьем с теми, кто ищет Истину.

Страшнее ада — рай земной,
И в рай темна дорога.
И чаша Гнева через край —
Карающего Бога.

Глухая жажда тайно жжёт
Сердца и души наши.
И Божьей ярости вино —
Огнём пылает в чаше.

Но дар любви огонь таит
На свете том и этом,
И золотые гнёзда глаз
Полны крылатым светом.

Я знаю: нас Господь простит —
Пред бездною преисподни...
Но нашим душам не спастись —
Без ярости Господней.

Пора завершать попытку заглянуть в волнующуюся бездну души поэта и человека Льва Котюкова. Что я понял? Я понял, что эта живая субстанция имеет связь с бесконечным и, метая стрелы в это бесконечное, попадает в невидимые цели... «О бессмысленность бытия и небытия!

О, какая ненавистная бессмысленность! Но жизнь превыше смысла. А смерть обретает смысл, если она спасает человека от греха...

Какая разница: ты падаешь под камни или камни падают на тебя.

Но если вдруг все поэты на земле умолкнут, то камни возопиют.

Бог поцеловал поэта, но и сатана, увы, не отстал.

Полнота вечности недостижима без Бога, ибо время человеческое есть ущерб вечности живой.

Любовь — это суд Правды Божьей...

Поэт, не говори о том, что знаешь, говори о том, чего не знает никто...».

Лев Котюков «Осколки неразбитого зеркала».

Этой цитатой поэта и философа я заканчиваю своё исследование, хотя многое осталось за пределами повествования, но лучше не досказывать, чем пересказывать...